

# ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ПРИГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И КИТАЯ: СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ\*

**Сергей Александрович ИВАНОВ,**

младший научный сотрудник Отдела международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: 02isa02@mail.ru



В статье описаны системные условия и мотивация деятельности субнациональных правительств России и Китая в двустороннем приграничном сотрудничестве. Исходя из параметров децентрализации политико-административной системы и степени контактности границы в двух странах, автор выстраивает модель трансграничных взаимодействий, с помощью которой производит попытку определить, какие виды мотиваций наиболее применимы к анализу действий локальных правительств в приграничном сотрудничестве РФ и КНР.

**Ключевые слова:** приграничное сотрудничество России и Китая, мотивация, субнациональное правительство.

## **Subnational Government's Activity in Russia-China Cross-Border Cooperation: System Constraints and Motivation**

**S. Ivanov**, junior research assistant, Department for International Relations and Security Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The article examines system conditions and motivation for subnational governments of Russia and China to conduct bilateral cross-border cooperation. On the basis of decentralization of political-administrative relations and communicative level of the border in Russia and China, the author develops a model of sino-russian trans-border interactions according to which he determines the most-likely motivation of local governments' activity in cross-border cooperation.

**Key words:** sino-russian cross-border cooperation, motivation, subnational government.

**М**ногогранность и актуальность проблематики приграничного сотрудничества (ПС) РФ с КНР определили высокий интерес учёных России. В значительной степени он сконцентрировался на экономических и социальных аспектах взаимодействия, в то время как международно-политическое измерение, связанное с деятельностью субнациональных

\* Статья подготовлена при поддержке гранта Минобрнауки РФ № РНП.2.1.3/9622 «Региональная политика России на Дальнем Востоке: перспективы реализации в современных условиях» и гранта ДВО РАН, проект 11-III-B-11-241.

правительств, осталось практически неосвещённым\*. Единственными работами, в которых наряду с широким кругом вопросов были проанализированы интересы и политика региональных властей в российско-китайском ПС, стали монографии В.Л. Ларина [1, 2]. Однако учёный не рассматривал региональные правительства как институт трансграничных связей, ставя своей задачей раскрыть дискурс политической элиты Дальнего Востока РФ к КНР и проанализировать официальную политику в отношении китайских и российских территорий.

Низкая степень изученности в России деятельности субнациональных акторов в ПС двух стран контрастируется с достаточно глубокой разработкой этой проблематики в западной науке [3]. Несомненно, у западных исследователей шире эмпирическая база: на европейском и североамериканском пространствах в условиях децентрализации и демократии локальные власти имели большую свободу в международных делах. Однако сложно согласиться с тем, что региональные правительства государств с жёсткой вертикалью власти (КНР и с середины 2000-х гг. РФ), имея возможность взаимодействовать через границу, являются безвольными фигурами, движимыми исключительно указаниями Центра и не имеющими собственных экономических или политических интересов. Можно подтвердить это предположение, решив две задачи: во-первых, сравнить базовые факторы международной деятельности субнациональных правительств в России и Китае, воспроизведя систему ПС между странами; во-вторых, раскрыть многообразие мотиваций локальных акторов в ПС, делая акцент на анализе региональных правительств Китая.

### **СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ И СВЯЗИ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР**

Приграничное сотрудничество нельзя рассматривать как взаимодействие только тех игроков, которые находятся непосредственно вблизи границы. Более того, внутренние факторы системы трансграничных связей не играют решающей роли, уступая по значению внешним факторам: режиму государственной границы, политике национального правительства в отношении своих приграничных территорий и т.д. [4, с. 4]. С учётом этого ПС двух стран можно представить в виде двухполюсной системы, в которой локальные власти являются неотъемлемым структурным компонентом (Схема 1). Характер связей между ключевыми элементами каждого полюса — общенациональным и субнациональным акторами — формируется в зависимости от полномочий региональных властей в осуществлении международной деятельности, т.е. от степени децентра-

\* В историографию заявленной проблематики не включены работы, в которых анализируется такое абстрактное явление, как «интересы регионов». Под этим концептом исследователи обычно понимали геостратегические или геоэкономические потребности конкретных территорий, что, очевидно, не тождественно интересам региональных правительств как акторов международных отношений.

лизации административно-правовых и материальных взаимоотношений Центра и периферии в области трансграничных взаимодействий. Активность субнациональных акторов в приграничном сотрудничестве обуславливается режимом границы [5, с. 95], который может быть барьерным или контактным и формируется за счёт, во-первых, эффективности системы управления границей, во-вторых, стратегического видения приграничного партнёра на государственном уровне. Л.Б. Вардомский указывает на то, что степень контактности границы зависит от полномочий регионов. Однако такой подход не позволяет ответить на вопрос, почему унифицированные взаимоотношения Москвы с регионами на протяжении всей российской границы приводят как к активной контактности (например, по линии Россия — Казахстан), так и к пассивной (Россия — Китай).

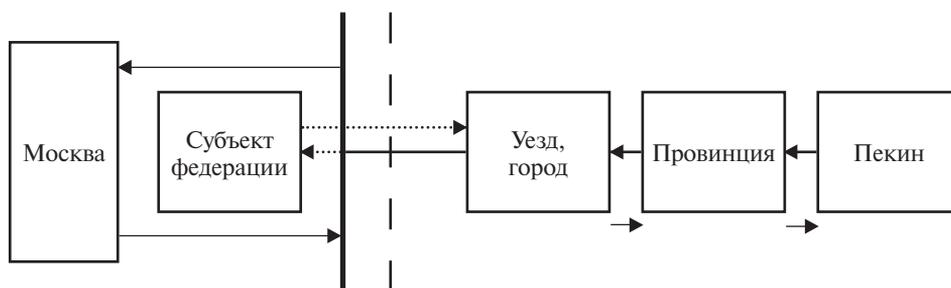


Схема 1. Система приграничного сотрудничества с участием национальных и субнациональных акторов. Схема основана на теоретических подходах Л.Б. Вардомского к выделению факторов приграничного сотрудничества

Реконструирование сложившейся к настоящему времени системы ПС РФ и КНР позволяет выявить асимметрию подходов к трансграничным взаимодействиям в странах. В России приграничные регионы не имеют преференций в ПС и не участвуют в распределении материальных ресурсов, получаемых с границы (таможенные и административные сборы) [6, с. 32—33]. Российский полюс системы ПС рассчитан на максимальный контроль трансграничных потоков из Центра и не предполагает использования международных связей в качестве существенного драйвера региональной экономики\*, что неизбежно приводит к снижению региональной активности в международных делах. В результате формируются условия, при которых субнациональные правительства не всегда довольны правилами игры в указанной системе [7]\*\*, время от времени проверяя

\* В данном случае показателен пример совещания по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в июле 2010 г. в Хабаровске, где министр регионального развития даже не упомянул о взаимодействии с Китаем и другими странами как о факторе развития РДВ.

\*\* Характерно высказывание губернатора Читинской области (2006 г.): «Практически мы занимаемся границей постоянно и даже имеем большой комитет внешнеэкономических связей. При наличии 2 тысяч километров границы с Китаем и Монголией и шести пунктов пропуска — это хлопотное дело. При всем том особой мотивацией труда для администрации приграничных территорий нет, потому что 100% таможенных сборов идет напрямую в федеральный бюджет. Только

Таблица 1

## Субнациональные акторы России и Китая в системе приграничного сотрудничества

	Россия	Китай
Ключевые субнациональные акторы ПС [9, с. 210]*	Субъект федерации	Округ, уезд или город
Взаимоотношения между национальным и субнациональным акторами по поводу приграничного сотрудничества	Высокая степень централизации материальных и административно-правовых полномочий в международном сотрудничестве. Центр не предоставляет регионам никаких преференций в ПС, централизованно собирает таможенные сборы. Организационно централизация ещё больше укрепилась с 2007 г., когда были созданы федеральные структуры — Росграница, затем Росгранстрой в 2009 г., что ещё больше ограничило возможности регионов участвовать в развитии пограничных пунктов пропуска и обустройстве границы.	Децентрализованная система материальных и административно-правовых полномочий. Регионы самостоятельно решают вопросы по созданию и совершенствованию инфраструктуры пунктов пропуска.
Поведение субнационального актора в ПС двух стран	Пассивность, причины: 1. Высокая степень централизации системы управления и контроля границы. 2. Преувеличенные представления о китайской угрозе как на общегосударственном, так и региональном уровне формируют политику сдерживания трансграничной активности.	Активность, причины: 1. Система управления и контроля границы централизована, но существуют эффективные механизмы её интеграции в локальные политико-административные структуры. 2. Международное сотрудничество максимально поощряется центральным правительством независимо от страны-партнёра.

\* С российской и китайской стороны представлены наиболее активные акторы трансграничного сотрудничества.

её на прочность. Достаточно вспомнить историю таких нереализованных местных инициатив, как ОАО «Золотое звено» со строительством железнодорожной ветки к станции Камышовой в Хасанском районе, ПТЭК «Пограничный — Суйфэньхэ» и т.д., которые так или иначе поддерживались региональными властями, но разбились о жёсткую позицию российского Центра.

Китайский полюс предполагает максимальную активность субнациональных акторов в международном сотрудничестве как средство регионального развития. Китай осуществляет политику открытости в приграничной зоне, которая проявляется в широком спектре полномочий властей приграничных территорий в международной деятельности, финансовых влияниях из Пекина для совершенствования приграничной

---

одна Забайкальская таможня за 9 месяцев перечислила в федеральный бюджет 900 миллионов рублей, то есть по 100 миллионов в месяц. По итогам года будет миллиард двести. Если бы оставляли какой-то процент — это наша мечта, мотивация труда была бы еще более высокой».

инфраструктуры, предоставлении местным властям значительных экономических рычагов по привлечению инвестиций и контролю внешне-торговых процессов, возможности создания различных экономических зон [8, с. 56—74]. Китай может позволить себе высокую административную децентрализацию периферии благодаря сохранению высокой политической централизации через партийную систему.

### ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ РФ И КНР В ПРИГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Большое количество эмпирических исследований на Западе позволило Д. Блаттеру предложить теоретическую модель для объяснения мотивации субнациональных акторов в международных связях [4, с. 6—11]. Мы попытаемся применить её к реалиям российско-китайского приграничного сотрудничества, незначительно поменяв акценты в содержании модели, чтобы приблизить к реалиям России и Китая, политико-административные системы которых достаточно сильно отличаются от западных аналогов.

**Материалистический подход.** У субнациональных правительств существует объективное желание использовать международное сотрудничество непосредственно в качестве средства развития подконтрольной территории через внешнюю торговлю, производственную кооперацию и т.д. В этом случае движимые необходимостью пополнения бюджета и давлением со стороны крупного бизнеса субнациональные правительства обычно стремятся выполнять функцию первичного актора в международных отношениях, т.е. занимать наиболее активную позицию по отношению друг к другу [10, с. 484]. Применительно к России и Китаю этот аспект не может выступать в качестве «драйвера» их ПС. Взаимная торговля\* и инвестиции\*\* не являются важным экономикообразующим фактором для приграничных территорий обеих стран, а отсутствие крупного бизнеса во внешнеэкономической деятельности является одним из основных сдерживающих факторов взаимодействия. Единственными акторами ПС, действия которых приемлемо интерпретировать на основе материалистического подхода, являются приграничные уезды и города Китая. Учитывая достаточно сильную зависимость местной экономики

\* Исходя из официальных данных, в 2007 г. зависимость экономики провинции Хэйлуцзян от торговли с Россией составляла около 11%, тем не менее более чем двукратное падение торговли с Россией в 2009 г. не привело к падению роста ВРП провинции в этот период. По подсчетам китайских исследователей, около 80% экспортируемой провинцией в Россию продукции производится вне региона (импорт также в значительной степени направляется в другие регионы Китая), т.е. торговля будучи посреднической занимает скромное место в хэйлуцзянской экономике. Схожая ситуация и с российскими приграничными территориями.

\*\* В 2008 г. доля китайского капитала в общем объеме иностранных инвестиций на Дальнем Востоке РФ составляла всего 0,3%. Инвестиции России в экономику провинции Хэйлуцзян также не превысили 1%, составив около 22 млн. дол. США.

и бюджета от ПС\*, власти этого административного уровня должны иметь значительную мотивацию в налаживании контактов с российскими регионами. Это предположение подтверждается сравнительным анализом частоты контактов хэйлунцзянских и хэйхэских властей с администрацией Амурской области (см. табл. 2), который показывает большую интенсивность правительства окружного уровня в ПС с Россией.

Таблица 2

Контакты правительств провинции Хэйлунцзян и округа Хэйхэ с администрацией Амурской области в 2004—2008 гг. [11]

Уровень представительства российской стороны		Губернатор	Вице-губернатор	Руководитель ведомства	Общее количество контактов
Провинциальный уровень	Губернатор	1	0	0	
	Его заместители	0	4	0	
	Руководитель ведомства	0	0	2	
	Общее количество контактов				20
Окружной уровень	Мэр	5	8	1	
	Его заместители	0	32	5	
	Руководитель ведомства	1	3	7	
	Общее количество контактов				117

**Культуролистический подход.** Субнациональные правительства могут вступать в международные контакты в стремлении актуализировать или усилить региональную идентичность в рамках своих национальных систем. Контролируя информационные потоки в Центр, регионы заинтересованы формировать выгодное им представление Центра о состоянии ПС, чтобы повысить свою значимость в глазах национальных правительств. Если Центр проводит политику барьерности или низкой контактности границы ввиду соображений безопасности, то приграничный регион будет продуцировать идеи об угрозах безопасности независимо от того, насколько они реальны. В данном случае показателен пример российских регионов юга ДВ, власти которых на протяжении 1990—2000-х гг. культивировали представление о китайской угрозе [1, с. 256—268] для привлечения внимания Центра к своим проблемам и обоснования приоритетности в региональной политике Москвы.

\* Учитывая бессмысленность зависимости ВРП многих приграничных городов и уездов Китая от торговли с Россией из-за ее посреднического характера (например, исходя из официальных данных, ВРП г. Суйфэньхэ в разы меньше объема внешней торговли города), можно сослаться на данные их бюджетных потерь в кризисный 2009 г.: в Суйфэньхэ снижение доходов составило 40,6%, а в г. Маньчжоули — 33,8%.

Противоположная ситуация сложилась на китайской стороне границы. Проводимая с конца 70-х гг. политика реформ и открытости сформировала максимально благоприятные условия для контактности китайской границы на всём её протяжении, в частности на её российско-китайском отрезке. В таких условиях локальные власти должны быть максимально заинтересованы в «позитивном» информировании Пекина о своих успехах в проведении политики внешней открытости. Стремление не портить отчётность плохими результатами ПС России и Китая можно проследить на примере годовых докладов правительства провинции Хэйлунцзян, в которые включается информация о торговле с Россией только тогда, когда все её показатели «в росте» (табл. 3). Более того, многолетний просмотр официальных сайтов провинций и уездов говорит о том, что локальные власти склонны дезинформировать Пекин, многократно приумножая свои достижения в торговых и инвестиционных взаимодействиях с Россией. Например, в 2006 г. власти провинции Хэйлунцзян отрапортовали, что их инвестиции в экономику России составили 837 млн. дол. США [12], хотя, по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, на этот момент было накоплено китайских инвестиций (даже нехэйлунцзянских) всего на сумму 315 млн. дол. США [13]. В 2010 г. во время визита высокопоставленной делегации из Китая в Приморский край, замминистра коммерции Гао Хучэн на презентации приграничного сотрудничества двух стран рассказал зампредседателю КНР Си Цзиньпину о том, что «китайские правительство и компании вложили 290 млн. юаней» в промышленный парк Канцзи в Уссурийске [14]. Однако, если сопоставить эти данные с официальной статистикой Приморского края, то окажется, что к 2010 г. во всём Приморском крае было накоплено китайских инвестиций на сумму 33 млн. дол. (около 230 млн. юаней) [15], при этом их основная доля приходилась на сельское хозяйство и услуги, а пространственно сконцентрирована в г. Владивостоке. Фактов завышения местными властями Китая результатов ПС при сопоставлении с реальным положением дел достаточно много, что требует более глубокого и системного анализа.

Дезинформация о результатах ПС с Россией позволяет местным властям Китая создавать особую экономическую и культурную идентичность своих регионов, которая зиждется на глубоких связях с дальневосточными территориями и Россией в целом. В китайской системе Центр — периферия, достаточно высоко поощряющей международное сотрудничество, это даёт повод регионам требовать от Пекина особых льгот и преференций, часто никак не связанных с международным сотрудничеством или завуалированных под него. Только таким образом можно объяснить систематическое использование «российской» карты делегацией провинции Хэйлунцзян на сессиях ВСНП при выбивании преференций из Пекина. Например, на прошедшей в марте 2011 г. 4-й сессии ВСНП 11-го созыва одним из призывов провинциальных делегатов к Госсовету КНР было создание ориентированного на Россию «приграничного экономического пояса северной части Северо-Востока КНР», в который должна войти почти вся провинция [16]. С экономической точки зрения, такое предложение

представляется нерациональным в свете вышеуказанной низкой зависимости народного хозяйства провинции от сотрудничества с Россией, тем более торговля с дальневосточными территориями ведётся в основном несколькими приграничными уездами и городами. В то же время опыт многих ориентированных на Россию промышленных и торговых зон в провинции показывает, что они часто используются не для сотрудничества с РФ, а как обычное средство развития региональной промышленности [17, с. 36].

**Рационалистический подход.** Субнациональные правительства могут проявлять активность в международном сотрудничестве в зависимости от политических интересов региональных лидеров или элитных групп. В данном случае мотивация локальных властей должна зависеть от того, насколько развитие внешних связей будет благоприятно сказываться на дальнейшем карьерном росте чиновников или на повышении их статуса в политической системе государства. В России на фоне низкой контактности российско-китайской границы и преобладании проблем безопасности в повестке обсуждения развития ПС между Центром и периферией региональные лидеры вряд ли могли надеяться на поощрение со стороны Москвы за самовольное развитие взаимоотношений с Китаем. В КНР, где режим взаимоотношений Центр — периферия поощрял международное сотрудничество, нахождение у власти приграничной территории должно было давать большую вертикальную мобильность в политической системе. Данное предположение подтверждается сравнительным анализом потенциала политических лифтов секретарей парткомов г. Суйфэньхэ и г. Бэйань\* (табл. 4, 5). Результаты исследования показали, что в конце своей карьеры (или к 2011 г.) партийные лидеры Суйфэньхэ, дослужившись до провинциальных руководителей, оказались на административную ступень выше своих оппонентов, которым в лучшем случае было суждено довольствоваться постами окружного уровня. Соответственно лидеры регионов в условиях регулярной ротации кадрового состава и относительной меритократии [19, с. 5—6] должны проявлять активность в приграничном сотрудничестве или, по крайней мере, создавать видимость этого, чтобы оправдать право нахождения у власти приграничной территории и продвинуться по карьерной лестнице. Высшее руководство приграничных городов и уездов Китая\*\* подтверждает это предположение своими частыми и продолжительными визитами в Россию, постоянной генерацией идей и проектов по улучшению приграничных связей, о существовании которых не всегда знает российская сторона.

\* Для сравнения выбраны города уездного значения Суйфэньхэ и Бэйань (первый административно подчиняется г. Муданьцзяну, второй — г. Хэйхэ) с разным географическим положением по отношению к России. Суйфэньхэ граничит с Россией, население — 56 тыс. чел. (2001 г.), ВРП — 6,9 млрд. юаней (2009 г.). Бэйань непосредственного не граничит с Россией, но входит в состав приграничного округа Хэйхэ, население — 484 тыс. чел. (2001 г.), ВРП — 5,5 млрд. юаней (2010 г.).

\*\* Имеется в виду активность властей приграничных уездов и городов, потому что на эти территории, как указывалось выше, приходится основной объем торговли и инвестиционного взаимодействия с Россией и основная ответственность за их проведение лежит на руководящем звене этого административного уровня.

Таблица 3

## Репрезентация результатов торговли с Россией в отчётах Народного правительства провинции Хэйлунцзян [18]

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Прирост торговли провинции с РФ	30,86	29,66	26,68	29,37	48,48	17,80	60,43	50,64	-65,49	34,00
Общий объём, %	12,04	33,46	-3,19	26,76	10,22	16,70	19,10	214,46	-71,29	38,12
Импорт, %	67,68	24,69	68,48	31,47	78,15	18,33	79,98	-0,63	-59,74	31,09
Экспорт, %										
Наличие в отчёте хэйлунцзянского правительства цифровых данных о результатах или планах торговли с Россией (есть «+», нет «-»)	-	+	-	+	+	+	+	-	-	+

Таблица 4

## Движение по карьерной лестнице секретарей парткомов городов или уездов провинции Хэйлунцзян, вовлечённых в сотрудничество с Россией (на примере г. Суйфэнхэ) [20]

Имя	Год рождения	Период пребывания в должности секретаря горкома КПК г. Суйфэнхэ	Должность на момент завершения карьеры или к 2011 г.
Цзи Цинфу 纪庆福	1947	1990—1995	Член Постоянного комитета Политического консультативного совета (ПКС) провинции Хэйлунцзян
Цинь Юйдэ 秦玉德	1950	1995—1997	Секретарь парткома Департамента трудовых ресурсов и социальной защиты провинции Хэйлунцзян
Го Сяохуа 郭晓华	1952	1997—1999	Заместитель председателя ПКС, помощник губернатора, начальник секретариата правительства провинции Хэйлунцзян
Ван Ливэй 王立伟	1955	1999—2002	Член парткома Хэйлунцзянского отделения Государственного комитета содействия международной торговле
Дун Цзюминь 董作民	Нет данных	2002—2003*	Нет данных
Сюй Гуанго 徐广国	1964	2003—2006	Вице-губернатор провинции

\* Временно исполняющий обязанности.

Таблица 5

**Движение по карьерной лестнице секретарей парткомов городов или уездов провинции Хэйлуцзян, вовлечённых в сотрудничество с Россией (на примере г. Бэйянь) [21]**

Имя	Год рождения	Период пребывания в должности секретаря горкома КПК г. Бэйянь	Должность на момент завершения карьеры или к 2011 г.
Гао Цзюньян 高俊阳	1950	1989.12—1992.02	Председатель ПКС г. Хэйхэ
Гуань Юнгуй 关永贵	Нет данных	1992.02—1995.02	Нет данных
Го Шимин 郭世明	Нет данных	1995.02—1998.04	Генеральный прокурор г. Суйхуа
Цзян Сяохуэй 姜晓辉	Нет данных	1998.04—2000.05	Нет данных
Чжан Лицонь 张利群	1955	2000.07—2004.08	Заместитель председателя Собрания народных представителей г. Хэйхэ
Нин Юньфу 宁云福	1954	2004.08—2006.12	Заместитель председателя ПКС г. Хэйхэ

Указанные подходы к изучению мотиваций не взаимоисключающие и могут дополнять друг друга для объяснения действий субнациональных акторов в различных ситуациях. Однако понимание системных факторов ПС позволяет выделить наиболее приемлемую модель для анализа действий локальных правительств. Учитывая параметры отношений Центр-периферия в России и Китае и контактность границы в обеих странах, наиболее вероятной мотивацией деятельности субнациональных игроков в трансграничных взаимодействиях является потребность в усилении своей региональной идентичности с целью привлечения внимания и ресурсов своих Центров для нужд регионального развития. Современный характер ПС двух стран доказывает это: их реальное состояние достаточно сильно разнится с той картиной, которую периферия в каждой стране представляет для своего Центра.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
2. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX в. — начало XXI в.). М: Восток—Запад, 2005. 390 с.
3. Hans J. Michelmann, Panayotis Soldatos. Federalism and international relations: the role of subnational units. Oxford University Press, 1990. 322 p.; Blatter J.K. Debordering the World of States: Towards a Multi-Level System in Europe and a Multi-Polity System in North America? Insights from Border Regions // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7(2). P. 175—209; Paradiplomacy in action: the foreign relations of subnational governments / edited by Francisco Aldecoa, Michael Keating. London; Portland, OR.: F. Cass, 1999. 223 p.
4. Joachim Blatter, Matthias Kreutzer, Michaela Rentl and Jan Thiele. Preconditions of Foreign Activities of European Regions: Tracing Causal Configurations of Economic, Cultural, and Political Strategies // The Journal of Federalism. P. 1—29.
5. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.

6. Стенограмма «Правительственного часа» // Приграничное сотрудничество в Российской Федерации: проблемы законодательного обеспечения: Сборник документов и материалов Комитета Совета Федерации по делам Содружества независимых государств. М., 2006. Вып. 2. 125 с.
7. Губернатор Читинской области Равиль Гениатулин: «В стране надо начать ещё один национальный проект — антиинфляционную программу» // URL: [http://www.interfax.ru/r/V/0/0.html?id\\_issue=11608863](http://www.interfax.ru/r/V/0/0.html?id_issue=11608863) (дата обращения: 12.03.2010).
8. Рыжова Н.П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 59—74.
9. Иванов С.А. Проблема дисбаланса политико-административных связей приграничных территорий России и Китая // Россия и Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. Ч. 1: Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. С. 209—211.
10. Brian Hocking. Regional Governments and international Affairs: Foreign Policy Problems or Deviant Behavior? // International Journal. 1986. № 41. С. 477—506.
11. Международные отношения // Рубрика официального сайта Администрации Амурской области (2004—2008 гг.) — URL: [www.amurobl.ru](http://www.amurobl.ru); Чжэнфу да шицзи (Хроника деятельности правительства) // Рубрика официального сайта Народного правительства г. Хэйхэ — URL: <http://www.heihe.gov.cn/html/zfdsj/index.html>
12. 2007 нянь хэйлунцзяншэн чжэнфу гунцзо баогао = Отчёт правительства провинции Хэйлунцзян в 2007 г. // Официальный сайт Народного правительства провинции Хэйлунцзян. — URL: <http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2007/08/03/000137413.shtml> (дата обращения: 01.06.2008).
13. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ // <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2108873> (дата обращения: 01.06.2008).
14. Си цзиньпин цзай фуладивосытокэ чуси чжунэ дифан хэцзо цзотаньхуэй = Си Цзиньпин принял участие в совещании по проблемам регионального сотрудничества России и Китая // Официальный сайт Госсовета КНР. — URL: [http://www.gov.cn/ldhd/2010-03/21/content\\_1560903.htm](http://www.gov.cn/ldhd/2010-03/21/content_1560903.htm) (дата обращения: 12.05.2010).
15. Приморский край в цифрах и графиках за 2009 год // Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. — URL: <http://www.primstat.ru:81/bgd/MALISH/IssWWW.exe/Stg/10/8-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8.htm> (дата обращения: 01.03.2011).
16. Дайбяо хуэй хэйлунцзяншэн чжуняо цзинцзицзюй шаншэн вэй гоцзя чжаньлюе = Делегаты призывают поднять статус важных экономических районов провинции Хэйлунцзян до уровня национальной стратегии // Северо-восточное отделение Агентства Синьхуа. — URL: [http://www.chinaneast.gov.cn/2011-03/06/c\\_13763456.htm](http://www.chinaneast.gov.cn/2011-03/06/c_13763456.htm) (дата обращения: 01.03.2011).
17. Гао Юйхай. Гуаньюй цзякуай хэйлунцзяншэн дуй э юаньцзюй чжаошан иньцзы дэ цзяньи = Предложения по ускорению привлечения инвестиций провинцией Хэйлунцзян в зоны, ориентированные на Россию // Сиболия яньцзю. 2007. № 5 (34). С. 36—37.
18. Линянь цюаньшэн дуй э маои цзиньчукоу тонцзибяо = Статистика торговли провинции с Россией по годам // Официальный сайт Департамента коммерции провинции Хэйлунцзян — URL: [http://218.10.58.84:8102/public/query/entrance\\_by\\_year-2011.htm](http://218.10.58.84:8102/public/query/entrance_by_year-2011.htm); Чжэнфу гунцзо баогао = Отчёты о работе правительства // Рубрика официального сайта Народного правительства провинции Хэйлунцзян — URL: <http://www.hlj.gov.cn/wjfg/zfbg> (дата обращения: 02.03.2011).
19. Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 3—11.
20. Составлено на основе данных официальных сайтов правительства г. Суйфэнхэ (URL: [www.suifenhe.gov.cn](http://www.suifenhe.gov.cn)), Хэйлунцзянского отделения Государственного комитета содействия международной торговле (URL: <http://ccpit-hlj.00615.net>), Политического консультативного совета провинции Хэйлунцзян (URL: [www.hljzx.gov.cn](http://www.hljzx.gov.cn)), Народного правительства провинции Хэйлунцзян — URL: [www.hlj.gov.cn](http://www.hlj.gov.cn)).
21. Составлено на основе данных официального сайта правительства г. Хэйхэ ([www.heihe.gov.cn](http://www.heihe.gov.cn)) и онлайн-энциклопедии Байду ([baike.baidu.com](http://baike.baidu.com)).